

СИМВОЛИЗМ

Символизм – литературно-художественное направление, считавшее целью искусства интуитивное постижение мирового единства через символы. Объединяющим началом такого единства виделось искусство, «земное подобие творчества божественного». Ключевым понятием символизма является символ – многозначное иносказание, содержащим в себе перспективу безграничного развертывания смыслов. Кроме того, символ является и полноценным образом, его можно воспринимать и без содержащихся в нем потенциальных смыслов. Символ в сжатом виде отражает постижение единства жизни, её истинной, скрытой сущности. Теоретические основы символизма дал Д.С.Мережковский, в 1892 году выступивший с лекцией «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы». Новым течениям, по мнению Мережковского, предстояло возродить литературу, совершив «огромную переходную и подготовительную работу». Основными элементами этой работы он называл «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности». Социальные, гражданские темы были отодвинуты символизмом. На первый план вышли темы экзистенциальные: Жизнь, Смерть, Бог.

«Старшие СИМВОЛИСТЫ»

С самого начала своего существования поэзия оказалась неоднородным течением. Д.И.Мережковский и В.Брюсов стали во главе так называемых «старших символистов», которые понимали символизм как литературную форму. Неоднородность течения проявлялась даже географически. Московское крыло, группировавшееся вокруг Брюсова, задачи нового течения ограничивало собственно литературными рамками. Главный принцип их эстетики – «искусство для искусства». Большое внимание уделялось формальному экспериментированию, совершенствованию технических приёмов стихосложения. Установка на самоценность, автономность искусства выражена в строках Брюсова: «Быть может, всё в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов».

Старшие символисты петербургского крыла во главе с Мережковским считали важными религиозно-философские поиски. В своей поэзии они развивали мотивы одиночества, безысходности, роковой раздвоенности человека, бессилия личности, ухода от скуки повседневности в мир фантазий и иррациональных предчувствий.

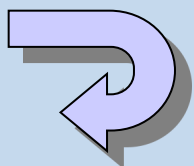
Представители старших символистов: [В.Брюсов](#), [З.Гиппиус](#), Д. Мережковский, [К.Бальмонт](#), [Ф. Сологуб](#).

«Младшие СИМВОЛИСТЫ»

В 1900-е годы оформилось новое течение в рамках символизма. «Младшие символисты» вдохновлялись трудами Шеллинга, Ницше, философией В. Соловьева. Символизм для них был не просто литературной школой, а целостным мировоззрением, формой жизненного поведения, способом творческой перестройки жизни. Они понимали свое творчество и свою жизнь как элементы грандиозного художественного произведения, космического процесса. Значение, по мнению «младших символистов», имеет лишь то, что находится по ту сторону жизни.

Реальный мир второстепенен, но несет в себе отпечатки вечных идей, вечных сущностей. Почувствовать, нащупать эти вечные сущности способен лишь поэт-теург, посвященный. Язык этой новой поэзии – язык символов. Вячеслав Иванов: «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении. Он многолик, многомыслен и всегда темен в последней глубине».

Представители младших символистов: [В. Иванов](#), [А. Белый](#), [А. Блок](#), [В. Соловьев](#).

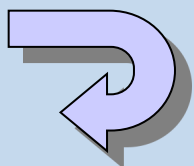

Александр Блок

Блок Александр Александрович (1880 – 1921). Начиная в духе символизма. Лирика Блока, по своей «стихийности» близкая музыке, формировалась под воздействием романса. Через углубление социальных тенденций, осмысление «страшного мира», осознание трагедии современного человека пришел к идее неизбежности «возмездия». Блок создал центральную всеобъемлющую систему символов. В её основе лежит простой мотив: рыцарь стремится к Прекрасной Даме. За этим стремлением стоит многое: мистическое постижение Бога, поиск жизненного пути, порыв к идеалу и бесконечное иное количество оттенков толкования.

Стихи: «Вхожу я в темные храмы...», «Два века», «Искусство — ноша на плечах...», «О доблестях, о подвигах, о славе...».

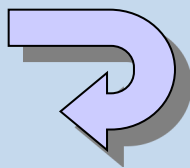

Андрей Белый

Белый Андрей, настоящее имя Борис Николаевич Бугаев (1880–1934). Принадлежал к поколению «младших символистов». Революция 1905–1907 вызвала у Белого интерес к общественным проблемам. В его произведениях сквозь символистскую образность проступает резкая сатира на бюрократический Петербург; однако революционное движение рисуется в искажённом свете. В прозе Белый остался верен символистской эстетике, с её сюжетной разбросанностью, смещением плоскостей, вниманием к ритму, звуковому смыслу фразы. Разработал эстетику символизма и теорию ритма в стихе и прозе, где впервые применил математические методы.

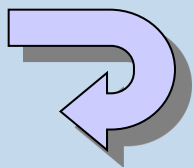
Стихи: «Город», «На горах», «Родине», «Золотое руно».

Вячеслав Иванов

Иванов Вячеслав Иванович (1866-1949). Представитель и теоретик символизма. Поэзия ориентирована на культурно-философскую проблематику античности и средневековья. С 1905 Иванов становится признанным мэтром и теоретиком символизма. Поэзию Иванова часто называют «ученой», «филологической», «умственной», поскольку символы и образы мировой культуры — главный предмет его вдохновений, прежде всего мифы, боги, предания и сюжеты Древней Греции и Рима. В целом ивановскую поэтику отличает зашифрованность, стилизованная архаика, торжественная тяжеловесность слога; он нередко образовывал новые сложносоставные слова. Упругость и плотность стиха, пристрастие к скоплению согласных и односложным словам, эмблематичность, использование редких, экзотических форм и размеров создают стилевое своеобразие его поэзии.

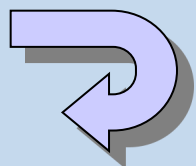
Стихи: «На Оке перед войной», «Озимь», «Сомнение», «Европа — утра хмурый холод...», «Когда б лучами, не речами...».

Владимир Соловьёв

Владимир Сергеевич (1853-1900). Стихи отличаются тоном напряжённой мистико-философской исповеди и элементами новой, специфически символической образности. Личный облик Соловьёва — житейская беспомощность, скитальчество, подвижничество, делали его в глазах символистской художественной интеллигенции героем легенды, олицетворением переломной эпохи. Проповедовал утопический идеал всемирной теократии, крах которого привел к усилению эсхатологических настроений Соловьёва.

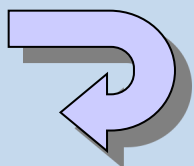

Фёдор Сологуб

Сологуб Федор, настоящие фамилия и имя Тетерников Федор Кузьмич (1863 – 1927). Принадлежал к символистам старшего поколения, испытал сильное воздействие философии и эстетики европейского декаданса. Во многих произведениях он воплощал всё пошлое и подлое, что виделось ему в современной жизни. Элементы реалистического гротеска сочетаются с причудливой мистикой, фантастикой, эротикой. Любовь, искусство, мечта противопоставлены безысходной действительности в лирике Сологуба. М.Горький считал его талантливейшим выразителем пессимистического мирозерцания и подчёркивал неприемлемость для себя основных его идей.

Стихи: «В день воскресения Христова...», «Подыши ещё немного...», «На опрокинутый кувшин...», «Чертовы качели», «Досталась мне странная доля...»

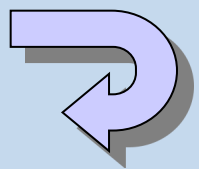

Константин Бальмонт

Бальмонт Константин (1867 — 1942). Первые произведения содержали мотивы гражданской скорби. Вскоре Бальмонт выступил как один из ранних представителей русского символизма. Для поэзии Бальмонта характерны черты декадентства (нереалистичные), мотивы исступлённого, восторженного восприятия природы, самоутверждения сильной личности. Стих Бальмонта отличается гибкостью, богатством аллитераций, музыкальностью, хотя не лишён порой некоторой вычурности, экзотичности.

Стихи: «Я — изысканность русской медлительной речи...», «Воздушный храм», «На разных языках», «Прерывистый шелест».

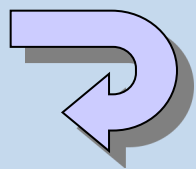
Валерий Брюсов

Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924).
Основоположник русского символизма.

Книги стихов 1900 – 1909 — определили антиномичную ориентацию его поэтики на традиции французского «Парнаса» с его твердыми жанровыми и стиховыми формами, словесной пластикой, склонностью к историко-мифологическим сюжетам и экзотике и одновременно на французских символистов, с их поэтикой нюансов, настроений, музыкальной неопределенностью. Стихи этого периода демонстрируют и образно-тематические комплексы, характерные для всего его творчества: урбанизм, «научная» поэзия, историзм, убежденность в множественности истин и самоцельности искусства.

Стихи: [«Творчество»](#),
«Круги на воде», [«Поэту»](#),
«Грядущие гунны».

Зинаида Гиппиус

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869-1945). Идеолог символизма. Все произведения З.Гиппиус объединял сознательный отказ от жизни, тоска по «новой красоте», по всему «необъяснимому», «навек недоступному» и «навек непонятному». Большинство книг вызвали ожесточенное неприятие либеральной и народнической критики — за невиданность, претенциозность, противоестественность героев Гиппиус. Она формулирует свою метафизику любви и страдания: любить не для себя, не для счастья и «присвоения», а для того, чтобы выразить и «отдать всю душу». Такая любовь предполагает решимость причинить страдание другому, а не уберечь от него — если это способствует росту души, самовыявлению личности.

Стихи: «Предел», [«Земля»](#), «Если», «Знайте», [«О вере»](#), «Господи, дай увидеть!»,

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Странно зыблемый, как дым.

Что Творцу твои страдания?
Кратче мига — сотни лет.
Вот — одно воспоминанье,
Вот — и памяти уж нет.

Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаясь к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.

Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным.

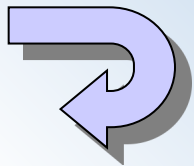
Досталась мне странная доля,
Но я на нее не ропщу.
В просторе холодного поля
Чего-нибудь съесть поищу.

Из тинистой, вязкой канавы
Напьюсь тепловатой воды.
Понюхаю тонкие травы,
Где старые чахнут следы.

Заслышу ли топот лошадки
На гулком вечернем шоссе,
В испуге бегу без оглядки
И прячусь в пахучем овсе.

Но знаю я, будет мне праздник,
Душа моя в рай взлетит,
Когда подгулявший проказник
Мне камнем в висок угодит.

Взметнусь я, и взвою, и охну,
На камни свалюся, и там,
Помучившись мало, издохну
И богу я дух мой отдам.

На разных языках

Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мертвых берегах.

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.
Но берег мертв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит, с гремучей влагой споря.

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сал исполнен аромата.
Поет пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

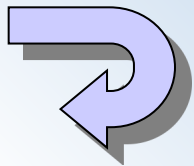

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя, и в других,
Я — изысканный стих.

ГОРОД

Выпали желтые пятна.
Охнуло, точно в бреду:
Загрохотало невнятно:
Пригород—город... Иду.

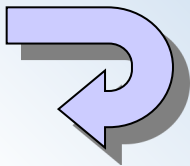
Лето... Бензинные всхлипы.
Где-то трамвай тархтит.
Площади, пыльные липы, —
Пыли пылающих плит, —

Рыщут: не люди, но звери;
Дом, точно каменный ком,—
Смотрится трещиной двери
И чернотырым окном.

РОДИНЕ

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия,—
Безумствуй, сжигая меня!
В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.
Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!
Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.
Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!
И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Искусство — ноша на плечах,
Зато, как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как радостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске,
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего سینема!
А через год—в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!..

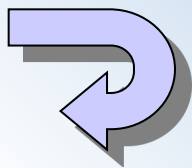

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

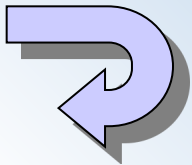

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.
И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.
Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.
Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель –
Готовность взойти на костер.
Быть может, всё в жизни лишь
средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.
В минуту любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь
И в час беспощадных распятий
Прославь иступленную боль.
В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок!

О вере

Великий грех желать возврата
Неясной веры детских дней.
Нам не страшна ее утрата,
Не жаль пройденных ступеней.

Мечтать ли нам о повтореньях?
Иной мы жаждем высоты.
Для нас – в слияньях и сплетеньях
Есть откровенья простоты.

Отдайся новым созерцаньям,
О том, что было,— не грусти,
И к вере истинной – со знаньем –
Ищи бесстрашного пути.

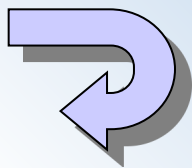
Земля

Пустынный шар в пустой пустыне,
Как Дьявола раздумье...
Висел всегда, висит поныне...
Безумие! Безумие!

Единый миг застыл – и длится,
Как вечное раскаянье...
Нельзя ни плакать, ни молиться...
Отчаянье! Отчаянье!

Пугает кто-то мукой ада,
Потом сулит спасение...
Ни лжи, ни истины не надо...
Забвение! Забвение!

Сомкни плотней пустые очи
И тлей скорей, мертвец.
Нет утр, нет дней, есть только ночи.
Конец.

Когда б лучами, не речами
Мы говорили; вещих дум
Наитье звездными очами
С небес в неумствующий ум

Гляделось, а печаль, уныла,
Осенним ветром в поле выла,
И пела в нас любви тоска
Благоуханием цветка,—

Тогда бы твой язык немотный
Уразумели мы, дыша
Одною жизнью дремотной,
О мира пленная душа!

Сомнение

Кто знал, как легкий Сон
Любимую приводит
И в миг заветный вон
Из терема уводит;
Кто знал, как чаровник
Гробницы размыкает
И в призрачный двойник
Бесплотных облекает —
И снова замыкает
За пленными тайник,—

Поймет мой смутный страх,
С надеждою делимый, —
Когда в твоих чертах
Мелькнет, неуловимый,
Тот свет, что я зову,
Тот образ, что ловлю я,—
Мой страх, что наяву,
Как та, кого люблю я,
Истаешь ты, — что сплю я,
Пока тобой живу

